

И. И. Митин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия
E-mail: imitin@hse.ru

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ПАЛИМПСЕСТ: ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ (ПЕРЕ)КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА И МЕСТА

В статье рассматриваются теоретические подходы к переименованию, сложившиеся в критической топонимике и культурной географии. Критическая парадигма предполагает отказ от традиционных этимологических изысканий и обращение к топонимам как отражениям или частным проявлениям тех или иных социальных процессов. В развитие этого подхода предложена географическая трактовка социальных значений переименований через представление о множественности места. В фокусе нового подхода лежит само понятие места как центра человеческих значений и «отправной точки» целостной картины мира. Парадигма критической географии продуктивно комбинируется с опытом исследований пространственных репрезентаций, свойственных новой культурной и гуманистической географии, в целях формирования «стереоскопического» видения места через множество его образов, смыслов, социальных практик и семиотических значений. В развитие представления о переименовании места как геоконцептуализации обоснован палимпсестный подход к топонимическим исследованиям. Геоконцепты представляются в нём не только в связи с дискретными образами и значениями места, но и как часть бесконечного процесса формирования новых и новых картин мира. Топонимический палимпсест предполагает раскрытие множественности переименованного места через семиотический процесс переозначивания и превращение геоконцепта в интертекст.

Ключевые слова: критическая топонимика, культурная география, палимпсест, место, переименование.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках работы Проектной группы «Культурная и гуманитарная география города» факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ и при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект 20/2019-И «Чтобы помнили...»: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья»).

Для цитирования: Митин И. И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 4. С. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310016932-8>

I. Mitin

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
E-mail: imitin@hse.ru

THE TOPONYMICAL PALIMPSEST: RENAMING AS A SYMBOLIC (RE) CONSTRUCTION OF SPACE AND PLACE

Theoretical approaches to renaming as present within critical toponymy and cultural geography are described in the article. The critical approach presumes neglecting the traditional etymological studies and considers toponymy as a reflection and a projection of certain social processes. A geographical approach to the social meanings of renamed places is suggested to develop this paradigm by means of explaining the multiplicity of a place. The place itself as a notion, a center of human meanings and a starting point of the unite world view is used as a domain for the suggested approach. The critical geographical paradigm is combined with the representational approaches typical for new cultural and humanistic geography in order to create a stereoscopical vision of a place through the multiplicity of its meanings, images, lived social practices and semiotic signs. Developing the notion of geoconceptualization of a place within its renaming a palimpsestic approach in toponymic studies is stated. Geoconcept are regarded not only as linked to certain place images and meanings, but also as a part of the process of the endless process of the new world views' formation. The toponymical palimpsest reveals the multiplicity of renamed place as semiotic resignification thus turning a geoconcept into an intertext.

Keywords: *critical toponymy, cultural geography, palimpsest, place, renaming.*

Acknowledgments. *The research was conducted within the framework of Project Group “Urban cultural geography and geohumanities” of the faculty of urban and regional development, National Research University Higher School of Economics and with financial support of Russian Geographical Society (grant project 20/2019-I “To be remembered...”: the creation of the reference atlas of forfeited Russian toponymy of the Near Abroad”).*

For citation: Mitin I. (2021), The toponymical palimpsest: renaming as a symbolic (re)construction of space and place, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 17, no. 4, pp. 73–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310016932-8>

Введение. Переименования как проявление множественности места: постановка проблемы. Одной из важных особенностей современного понимания места и культурного ландшафта в англо-американской критической культурной географии выступает *множественность* [8]. Одно и то же место формирует вокруг себя множество различных образов, смыслов, идей, т. е. множество пространственных репрезентаций. Доминирующие образы, наиболее распространённые, самые известные, стереотипные — в рамках критической парадигмы — связаны с формированием властью общественного мнения посредством медиакоммуникаций. Им противостоит множество разрозненных, часто не связанных друг с другом частных значений места, формируемых в повседневной жизни обывателей и активных граждан, силами гражданского общества. Именно множественность этих социальных практик формирования людьми «своего» пространства становится основой для выделения А. Лефевром

(пост)современного тотально урбанизированного пространства [21], приходящего на смену индустриальному обществу и пространству, стремившемуся к управляемости, гомогенности, монофункциональности и унификации [7].

Постсовременное общество, по Лефевру, создаёт дифференцированное [21, р. 37] пространство, состоящее из «сплошных противоречий» [21, р. 39], что обусловлено как раз множественностью акторов, приспособляющих пространство под свои нужды и, шире, вовлекающих его в свою деятельность, осмысляющих и использующих его, иными словами, формирующих социальные (предна)значения. «В этот период всё, что однажды считалось абсолютным, становится относительным — разум, история, государство, человечество», — постулирует А. Лефевр [21, р. 37].

Относительность пространства в этой парадигме и в этой общественно-экономической формации по-новому «форматирует» процесс символического производства пространства, в ходе которого, как закреплено ещё в предшествующей парадигме новой культурной и гуманистической географии, «пространство превращается в место, как только получает определение и значение» [32, р. 136]. Формирующиеся места — не похожие одно на другое, и тем самым ещё больше способствующие тотальной дифференциации пространства, — сами по себе становятся множественными или, лучше сказать, многоголосыми (*multivocal*). *Относительность пространства — источник множественности места.*

Под множественностью места следует понимать не только множественность придаваемых ему людьми значений (образом, смыслам, идентичностей), что соответствовало бы парадигме новой культурной и гуманистической географии, и не только множественность способов «проживания», т. е. социальных практик в критической парадигме, но и, множественность *места самого по себе*. Причина этой множественности — именно в *домене* самого места, *отправной точки* изучения пространства для географических наук (в отличие от обратившихся к тем же темам в ходе «пространственного поворота» множества философских и социально-гуманитарных дисциплин). Место и культурный ландшафт множественны как понятия и как эмпирические объекты исследований, и в их целостности заложено бесконечное число значений, практик, дискурсов, материальных и нематериальных элементов, сплошь перепутанных, смешанных и потому противоречивых.

Переименование — простой и давно известный частный случай проявления подобной множественности места. Это одновременно и процесс (переозначивания), и результат, и само содержание множественности места.

Цель настоящей статьи — разработать теоретико-методологическую модель, описывающую *переименование* как процесс формирования *множественности* каждого места.

Результаты исследования. *Место в критической топонимике.* В качестве отправной точки для анализа в настоящей статье мы обращаемся не к классическим топонимическим исследованиям, а к *критической топонимике* [34].

Критическая революция в географии завершила — а, с позиций содержательных подходов, можно сказать, что и разрушила или, по крайней мере, перевернула — культурный поворот, поскольку обращение географов к пространственным репрезентациям как результат революций второй трети XX в. само по себе было подвергнуто сомнению. В фокусе внимания географов оказались не столько доминирующие образы пространства и места, сколько персональные смыслы и привязанности,

поскольку именно они (и только они) способны формировать подлинные социальные значения мест. По времени критическая революция совпала с уже упоминавшимся *пространственным поворотом* в социальных науках [9]. При этом влияние критической парадигмы на исследования именовании и переименований было ещё более радикальным, нежели в географии в целом. Классические ономастические исследования, центрированные вокруг выявления этимологии названий, объявляются адептами критической географии «этимологической угадкой» (“*the etymological guesswork*” [34, p. 5]). На первый план выходят социальные смыслы переименований, их общественное значение; иными словами, переименование и сам новый топоним превращаются в индикатор изменений в обществе, словно указывая на вновь формируемое значение, новую «реальность» и новый дискурс и контекст, «разворачивающийся» вокруг нового значения места.

Какой бы из трёх исторически развивающихся подходов, выделяемых Я. Вуолтеенахо и Л. Бергом [34, p. 3], мы ни взяли, всюду речь идёт о пространстве как о результате, одном из эффектов или даже побочном продукте, неспецифическом *отражении* общественно-экономических процессов, социальной практики или властных отношений. Подход критической топонимики помогает, разумеется, «развидеть» важные социальные смыслы топонимики и, в частности и в особенности, — переименований. В то же время *доменом* этой парадигмы остаются именно социальные практики и отношений.

Место в критической географии. По нашему мнению, указанный выше «фокус» на проекции социальных отношений — это общая черта всех исследовательских стратегий в критической парадигме. Так, как мы упоминали выше, критическая культурная география критикует новую культурную и гуманистическую географию за излишнее, гипертрофированное «увлечение» пространственными репрезентациями, которые, в свою очередь, с критических позиций оцениваются как намеренно сконструированные властью образы, транслируемые через СМИ и потому становящиеся частью общественного мнения. Легитимацией подобной позиции служит тезис А. Лефевра о «*двойной иллюзии*» [20] дихотомии реального (физического, воспринимаемого) и воображаемого (ментального, концептуального, пространства смыслов и образов) пространств.

В то же время все многочисленные критические трактовки пространства как *потока* взаимосвязанных и локализованных социальных отношений (от Д. Мэсси до П. Бурдьё) рассматривают пространства и место не как исследовательский домен, отправную точку изучения, а скорее как объект *эмпирического кейс-стади*. В пространстве — как и в ряде других объектов подобного ряда — можно увидеть яркие *частные* проявления тех социальных процессов, значений, явлений, которые интересуют исследователей. То же проявляется, на наш взгляд, и в критической топонимике: именование и переименование служат *примерами* манифестации власти в пространстве в «широкой критической общественной перспективе» [34, p. 12], эффектами «взаимосвязанных социально-экономических и иных процессов» [2, с. 59].

Опираясь на критику «слишком увлечённой репрезентациями» новой культурной географии, не способной «высветить» голоса меньшинств и отдельных индивидов [34, p. 9], критическая география и завершающие стадии «длинного культурного поворота» [19] как бы методологически переворачивают географический способ исследования топонимов. Доменом, отправной точкой, исходным углом зрения стано-

вится взгляд «от социальных процессов», а не от места. Такой подход характерен скорее для социальных и гуманитарных наук после пространственного поворота.

Географическая же интерпретации левеевской критики дихотомии «реальное — ментальное», как показал Эдвард Соджа, направлено на третье пространство (*third-space*) и формирование другого пространства (*thirthing-as-othering*) [30, p. 53–82]. Третье пространство Соджи — всё ещё продукт и результат *пространственности* (*spatiality*) как *домена*. Как замечает сам Э. Соджа, пространство «не должно быть отгеснено на периферию как отражение, контейнер, место действия, среда или внешние условия человеческого поведения и социального действия» [30, p. 71]. Третье пространство, реальное-и-воображаемое, всё равно остаётся, прежде всего, *пространством*.

Стоит добавить здесь, что *место*, ставшее понятием и научным термином в парадигме новой культурной и гуманистической географии в качестве означенного и осмысленного (участка) пространства [32; 26], в последующие десятилетия *теряло* своё значение в научном дискурсе. Между тем потенциальная роль места в постгородских концепциях, в парадигме третьего пространства, в качестве постметрополиса того же Э. Соджи [29] всё ещё ждёт своего исследователя и интерпретатора...

Множественность как «ключ» к возврату места в географии. Использование места как главного фокуса топонимических исследований позволило бы продуктивно *комбинировать* подход критической топонимики к переименованиям как к означенным и осмысленным, ведущим к пониманию глубоких социетальных трансформаций и рематериализирующей географию тезис А. Левеева и Э. Соджи о третьем пространстве — пространстве, проживаемом в реальной жизни, одновременно реальном и воображаемом. Место в таком комбинированном подходе и в самом деле, как метко отмечает Т. Крессвелл, превращается не просто в точку на карте, а в «способ видения, познания и понимания окружающего мира» [15, p. 17]. Переименование становится функцией семиотического изучения и *семиотических трансформаций самого места*, которое само меняет свои значения и/или продуцирует новые (а вовсе не просто отражает внешние по отношению к нему социальные изменения).

Место в географии превратилось в понятие, благодаря раннему культурному повороту и новой культурной географии, тесно переплетающемуся со становлением гуманистической парадигмы в географии. Место «переопределяется как создаваемое посредством человеческого означивания локаций» [17, p. 207–208]. «Создать место, — пишет Д. Н. Джинс, — значит окружить локальность человеческим значением» [17, p. 209].

Была ли в этом исходном определении места заложена его *множественность*?

Обратимся в связи с этим к *двум типам места*, выделяемым И-Фу Туаном [31]. Помимо всем понятных и широко впоследствии изученных *общественных символов* (*public symbols*), основатель гуманистической географии выделяет ещё и второй тип мест, называемый в оригинале '*fields of care*', буквально «поля заботы». Это такие места, часто не точечные как общественные символы, а площадные культурные ландшафты, которые служат фокусом и основанием локальной идентичности. Это те места, где человек чувствует себя дома, «домашние пространства». Они отражают внутренний, а не внешний контекст территориальной идентичности. Это именно то чувство места, которое *разделяется* всеми членами местного сообщества, формируя саму *принадлежность* к месту и сопричастность сообществу. И это те места, которые могут быть совершенно не видимы внешним посетителям, «чужим», сторонним нево-

влечённым наблюдателям. В отсутствие адекватного перевода на русский язык можно было бы назвать их «местами сопричастности» или «точками принадлежности».

Э. Релф интерпретировал эту *двойственность* понятия места в терминах дихотомии внутреннего и внешнего (*insideness / outsideness*), что привело его к выводу о том, что «для разных по своим интересам и знаниям групп и сообществ место формирует различные идентичности» [26, р. 58]. Эта пусть и ограниченная трактовка множественности места была впоследствии концептуализирована Н. Энтрикиным как два противоположных взгляда на понятие места: «место — это одновременно и центр наших значений, и внешний контекст наших действий» [16, р. 7]. Лингвистический «поворот» в рамках «большого культурного поворота» [19] в географии, таким образом, был периодом внимания к нарративам места, в которых и выявлялась и проявлялась дифференцированная «природа» места [16, р. 134].

Таким образом, обращение к месту как домену в рамках географических топонимических исследований предполагает трактовку места как «точки принадлежности» (*fields of care*) к сообществу, которая порождает *местную идентичность* и становится, в конце концов, центром наших (социальных) значений. Этот тезис, развиваемый в работах Р. Сэка [27] и Дж. Мальпаса [23], Тим Крессвелл концептуализирует так: «место не основывается на субъективности, скорее оно составляет то, на чём основывается субъективность» [15, р. 35]. Так место – причём уже в рамках критической географии – превращается в понятие (и, вероятно, ассамбляж [15, р. 36–37]), — которое *само создаёт множественность*.

От геоконцепта к палимпсесту. В отечественной географии важным шагом в сторону понимания переименования как процесса, *центрированного вокруг места*, выступает развиваемая В. Н. Калуцковым идея *геоконцепта* и *геоконцептуализации* [3; 4]. Несмотря на определённые сходства с семиотико-лингвистическими трактовками концепта и концептуализации [18], прямых аналогов в англо-американской географии у понятия геоконцепта мы не усматриваем.

Геоконцепта трактуется как «любое значимое для определенного сообщества место, обладающее устойчивым образом» [3, с. 27] и выступающее для этого сообщества «неотъемлемой частью картины мира» [5, с. 102]. Отличие геоконцепта от топонима, таким образом, в отсылке к образу места [6, с. 60] и наличии семиотических коннотаций [10, с. 11–12]. Благодаря идее геоконцепта, мы можем выявить отдельные *выдающиеся* топонимы и сфокусироваться на создаваемых ими *образах места*. В отличие от классических ономастических подходов, в этом случае речь идёт именно о *поименованных местах как означенных и осмысленных участках пространства*, как это было принято в культурно-географической трактовке. Подобно критической топонимике, мы отходим в этом случае от того, что уничижительно маркируют как «атеоретический характер традиционных подходов к топонимике» [34, р. 1] — однако, совсем с другой стороны, нежели критическая топонимика.

Процесс формирования значений места, их геоконцептуализации [3] может, разумеется, быть эволюционным и постепенным. Однако наибольший потенциал геоконцептуализации — в изучении переименований, *революционных* смен образов и смыслов одного и того же места. В этом случае переименование рассматривается как семиотический процесс (пере)конструирования новой картины мира, нового образа окружающей действительности, «исходящего» из места как домена [6].

Опыт основанного на идеях геоконцептуализации изучения постсоветских переименований [11] чётко указывает именно на формирование целостных «пластов»

переименованных топонимов: формирование, например, советского слоя географических названий, а затем постсоветская «десоветизация». Именование и переименование создают, таким образом, множественность мест посредством конструирования новых значений. Место как *центр* наших значений (по Н. Энтрикину) *транслирует*, распространяет эти новые смыслы на окружающую территорию, *на всю страну*, преобразуя их по своему образу и подобию (возьмём, например, случай Петербурга — Петрограда — Ленинграда — Санкт-Петербурга...). Это уже не просто место как означенный участок пространства из гуманистической географии, это место, конструирующее и «навязывающее» своё значение окружающему пространству! Это туановское место как общественный символ, превращающее всю страну вокруг в гигантское «поле (*field of care*) сопричастности». И это, наконец, то, что М. де Серто описывает в категориях пространства как практикуемого (*practiced*) места [13, p. 117].

Другое следствие применения геоконцептуального подхода В. Н. Калуцкова к переименованиям — формирование национальных геоконцептов [11, с. 22], символическая «возгонка» топонимов на новый иерархический уровень, превращение локальных топонимов в общестрановые геоконцепты (пример Ясной Поляны, значение которой в русской культуре и литературном наследии человечества на порядок превышает смысл именованного населённого пункта в Тульской области [6, с. 60]). Геоконцепт доказывает в этих случаях, как Д. Лоуэнталь и Д. Косгроув расширяют наше понимание культурного ландшафта до «картины мира» (*'way of seeing'* [14] и *'world view'* [22]).

Геоконцептуализация в терминах В. Н. Калуцкова — это акт и процесс переозначивания пространства и места посредством переименования. Однако в этой трактовке они остаются *дискретными*: один устойчивый образ места сменяется новым. Идея геоконцептуализации легитимирует множественность переименованного места, но никак не заботится о легитимации и темпоральности самой этой множественности. Необходимо, на наш взгляд, добавить непосредственно *механизм* символического переозначивания места, насыщения его новыми смыслами и образами в процессе переименования, способ объяснения семиотической природы множественности места. Переименования необходимо рассмотреть как темпоральный *процесс* бесконечного *переозначивания* места посредством множественных образов и *пространственный процесс социального конструирования новых и новых картин мира*, органически «вырастающих» из этого места.

Для этого необходимо обращение к понятию *места как палимпсеста* [24; 25]. Она описывает место через множественность образов, смыслов, интерпретаций, влияний различных культур и социальных групп на него и опирается одновременно и на историческую географию [33], и на новую культурную и гуманистическую географию [28], и на множественные практики проживания третьего пространства А. Лефевра и Э. Соджи [7], и на семиотические механизмы формирования современных пространственных мифологий [1].

Множественные смыслы переименованного места связываются один с другим через семиотические процессы переозначивания, подобно семиозису пространственных мифов. Процесс переименования рассматривается в контексте *интертекстуальности* [12]: множественные значения и множественные практики проживания места выступают взаимозависимыми и в то же время отсылают «читателя» этого «текста» к разным картинам мира и разным материальным проявлениям одного и того же куль-

турного ландшафта. Это уподобляет пласты места как палимпсеста стратификации места по М. де Серто [13, р. 200].

Заключение. Модель топонимического палимпсеста. Как можно интерпретировать тезисы критической топонимики с позиций палимпсестного подхода? В рамках предлагаемой модели топонимического палимпсеста центральный для критической топонимики процесс влияния власти и общественных революций на место становится сам по себе множественным, перестаёт рассматриваться как дискретный. Переименование становится *континуальным* процессом семиотического становления места как палимпсеста и как *сети* взаимосвязанных материальных и нематериальных компонентов.

Переименование в палимпсестном подходе не просто единичный дискретный акт геоконцептуализации, это часть *семиотического процесса (пере)конструирования места*. В фокусе рассмотрения оказываются сразу и прежняя семиологическая система с прежним геоконцептом, и приходящая ей на смену новая, с новым значением места и новой картиной мира. При этом каждый новый топоним и геоконцепт рассматривается сразу *в нескольких измерениях*: и как новое означающее, новый материальный ландшафт, и как новый визуальный образ или политический дискурс (означаемое), и, наконец, как новая локализованная социальная практика проживания места, знак в третьем пространстве.

Таким образом, многоаспектное и полидисциплинарное изучение переименований на основе *модели* топонимического палимпсеста позволяет *объединить* подходы новой культурной и критической географии, семиотики пространства, критической топонимики и концепции геоконцептуализации для продуктивного «стереоскопического» сидения места во всей его множественности.

Литература

1. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
2. *Басик С. Н.* Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018. № 1 (44). С. 56–63. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63>.
3. *Калуцков В. Н.* Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.
4. *Калуцков В. Н.* Изменение геокультурного пространства стран ближнего зарубежья XX–XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2 (46). С. 99–116. <https://doi.org/10.37490/S221979310013684-5>.
5. *Калуцков В. Н.* «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 2. С. 100–107. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-2-100-107>.
6. *Калуцков В. Н.* Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
7. *Лебедева Н. А., Митин И. И.* От города к экзополису? Городской культурный ландшафт в гуманитарной и критической географии // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 197–220. <https://doi.org/10.31249/chel/2019.01.00>.
8. *Митин И. И.* Воображение и множественность: Переименования как фактор трансформации городских культурных ландшафтов // Культурный ландшафт: эволюции и революции воображения / Под общ. ред. Д. Н. Замятина, И. Г. Коноваловой. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 100–106.
9. *Митин И. И.* На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. Философско-культурологический журнал. 2011. № 1. С. 62–73.
10. *Сомов В. П.* Поэтическая география: Историческая, мифологическая, библейская и литературно-сказочная. Культурологический словарь. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2015. 416 с.

11. Топонимия Ближнего Зарубежья: 100 лет переименований. Атлас-справочник / Науч. ред. В. Н. Калущков. М., 2020. 255 с.
12. Brockmeier J. Texts and other symbolic spaces // *Mind, culture and activity*. 2001. Vol. 8. No. 3. P. 215–230. https://doi.org/10.1207/S15327884MCA0803_2.
13. Certeau M. de. The practice of everyday life. Berkeley — LA: University of California Press, 1984. 230 p.
14. Cosgrove D. Prospect, perspective and the evolution of the landscape idea // *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*. 1985. Vol. 10. No. 1. P. 45–62. <https://doi.org/10.2307/622249>.
15. Cresswell T. Place: An Introduction, 2nd ed. Chichester: John Wiley & Sons Ltd. 2015. 232 p.
16. Entrikin J. N. The betweenness of place. Towards a geography of modernity. Houndmills — L.: MacMillan Education Ltd., 1991. 196 p.
17. Jeans D. N. Some literary examples of humanistic descriptions of place // *Australian geographer*. 1979. Vol. 14. No. 4. P. 207–214. <https://doi.org/10.1080/00049187908702764>.
18. Lane R., Carter J., Bourke T. Concepts, Conceptualization, and Conceptions in Geography // *Journal of Geography*. 2019. Vol. 118. No. 1. P. 11–20. <https://doi.org/10.1080/00221341.2018.1490804>.
19. Lees L. Rematerializing geography: The ‘new’ urban geography // *Progress in Human Geography*. 2002. Vol. 26. No. 1. P. 101–112. <https://doi.org/10.1191/0309132502ph358pr>.
20. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.
21. Lefebvre H. Urban revolution. Minneapolis: Minnesota University Press, 2003. 224 p.
22. Lowenthal D. Geography, experience and imagination: Towards a geographical epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1961. Vol. 51. No. 3. P. 241–260. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1961.tb00377.x>.
23. Malpas J. E. Place and Experience: A Philosophical Topography. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 256 p.
24. Mitin I. Constructing urban cultural landscapes & living in the palimpsests: a case of Moscow city (Russia) distant residential areas // *BELGEO*. 2018. No. 4. P. 1–15. <https://doi.org/10.4000/belgeo.28126>.
25. Mitin I. Palimpsest // *SAGE Encyclopedia of Geography* / Ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA — L. — New Delhi — Singapore: SAGE, 2010. No. 4. P. 2111–2112.
26. Relph E. Place and placelessness. L.: Pion, 1976. 156 p.
27. Sack R. Homo Geographicus. Baltimore: John Hopkins University Press, 1997. 292 p.
28. Schein R. H. The place of landscape: A conceptual framework for interpreting an American scene // *Annals of the Association of American Geographers*. 1997. Vol. 87. No. 4. P. 660–680. <https://doi.org/10.1111/1467-8306.00072>.
29. Soja E. W. Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden, MA, Oxford, Melbourne, Berlin: Blackwell Publishing, 2000. 440 p.
30. Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Oxford: Basil Blackwell, 1996. 334 p.
31. Tuan Y.-F. Space and place: humanistic perspective // *Progress in geography*. 1974. No. 6. P. 211–252.
32. Tuan Y.-F. Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. Minneapolis — L.: University of Minnesota Press, 2002. 236 p.
33. Vervloet J. A. J. Inleiding tot de historische geografie van de Nederlandse cultuurlandschappen. Wageningen: Pudoc, 1984. 136 p.
34. Vuolteenaho J., Berg L. D. Towards critical toponymies // *Critical toponymies. The contested politics of place naming* / Ed. by L. D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham — Burlington, VT: Ashgate, 2009. P. 1–18.

References

1. Barthes R. (2000), *Mythologies*, Moscow, Sabashnikovskh Publ., 320 p. (In Russ.).
2. Basik S. N. (2018), Critical toponymics as a direction of geographic research: problems and perspectives, *Geographical bulletin*, no. 1 (44), pp. 56–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63>.
3. Kalutskov V. N. (2012), Geoconcepts in geography, *Cultural Geography & Geohumanities*, no. 1(1), pp. 27–36. (In Russ.).
4. Kalutskov V. N. (2021), The changing geo-cultural space of the CIS countries in the 20–21st centuries (on the material of renaming cities), *Pskov Journal of Regional Studies*, no. 2 (46), pp. 99–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.37490/S221979310013684-5>.
5. Kalutskov V. N. (2016), “Name” in geography: From toponym to geoconcept, *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no. 2, pp. 100–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-2-100-107>.

6. Kalutskov V. N. (2020), Theoretical aspects of the conceptualization of geographical space, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, no. 1, pp. 57–69. (In Russ.).
7. Lebedeva N. A., Mitin I. I. (2019) From city towards exopolis? Urban cultural landscape in critical geography & geohumanities, *Chelovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarny'e aspekty'*, no. 1 (36), pp. 197–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/chel/2019.01.00>.
8. Mitin I. I. (2020) The imagination and multiplicity: Renaming as a factor of urban cultural landscapes' transformation, Zamyatin D. N., Konovalova I. G., eds.. *Cultural landscape: Evolutions and revolutions of imagination*, Moscow, World History Institute, pp. 100–106. (In Russ.).
9. Mitin I. (2011), On the way towards imaginary geography: two turns, three spaces, *Topos. Filosofsko-kul'turologicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 62–73. (In Russ.).
10. Somov V. P. (2015), *Poetic geography: historical, mythological, biblical and literatural*, Moscow, B. S. G.-Press. 416 p. (In Russ.).
11. Kalutskov V. N., ed. (2020), *The Toponymy of the Near Abroad: 100 years of Renaming*, Moscow, 255 p. (In Russ.).
12. Brockmeier J. (2001), Texts and other symbolic spaces, *Mind, culture and activity*, vol. 8, no. 3, pp. 215–230. https://doi.org/10.1207/S15327884MCA0803_2.
13. Certeau M. de. (1984), *The practice of everyday life*, Berkeley — LA, University of California Press, 1984, 230 p.
14. Cosgrove D. (1985), Prospect, perspective and the evolution of the landscape idea, *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*, vol. 10, no. 1, pp. 45–62. <https://doi.org/10.2307/622249>.
15. Cresswell T. (2015), *Place: An Introduction*, 2nd ed., Chichester, John Wiley & Sons Ltd., 232 p.
16. Entrikin J. N. (1991), *The betweenness of place. Towards a geography of modernity*. Houndmills — L., MacMillan Education Ltd., 196 p.
17. Jeans D. N. (1979), Some literary examples of humanistic descriptions of place, *Australian Geographer*, vol. 14, no. 4, pp. 207–214. <https://doi.org/10.1080/00049187908702764>.
18. Lane R., Carter J., Bourke T. (2019), Concepts, Conceptualization, and Conceptions in Geography, *Journal of Geography*, vol. 118, no. 1, pp. 11–20. <https://doi.org/10.1080/00221341.2018.1490804>.
19. Lees L. (2002), Rematerializing geography: The 'new' urban geography, *Progress in Human Geography*, no. 26, pp. 101–112. <https://doi.org/10.1191/0309132502ph358pr>.
20. Lefebvre H. (1991), *The Production of Space*, Oxford, Basil Blackwell, 454 p.
21. Lefebvre H. (2003), *The Urban Revolution*, Minneapolis, London, University of Minnesota Press, 224 p.
22. Lowenthal D. (1961), Geography, experience and imagination: Towards a geographical epistemology, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 51, no. 3, pp. 241–260. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1961.tb00377.x>.
23. Malpas J. E. (1999), *Place and Experience: A Philosophical Topography*, Cambridge, Cambridge University Press, 256 p.
24. Mitin I. (2018), Constructing urban cultural landscapes & living in the palimpsests: a case of Moscow city (Russia) distant residential areas, *BELGEO*, no. 4, pp. 1–15, <https://doi.org/10.4000/belgeo.28126>.
25. Mitin I. (2010), Palimpsest, *SAGE Encyclopedia of Geography*, ed. by B. Warf, Thousand Oaks, CA, London, New Delhi, Singapore, SAGE, no. 4, pp. 2111–2112.
26. Relph E. (1976), *Place and placelessness*, London, Pion, 156 p.
27. Sack R. (1997), *Homo Geographicus*, Baltimore, John Hopkins University Press, 292 p.
28. Schein R. H. (1997), The place of landscape: A conceptual framework for interpreting an American scene, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 87, no. 4, pp. 660–680. <https://doi.org/10.1111/1467-8306.00072>.
29. Soja E. W. (2000), *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*, Malden, MA, Oxford, Melbourne, Berlin, Blackwell Publishing, 440 p.
30. Soja E. W. (1996), *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*, Oxford, Basil Blackwell, 334 p.
31. Tuan Y.-F. (1974), Space and place: humanistic perspective, *Progress in geography*, no. 6, pp. 211–252.
32. Tuan Y.-F. (2002), *Space and Place. The Perspective of Experience*, 9th ed., Minneapolis — L., University of Minnesota Press, 236 p.
33. Vervloet J. A. J. (1984), *Introduction to the Historical Geography of Dutch Cultural Landscapes*, Wageningen, Pudoc, 136 p. (In Dutch).
34. Vuolteenaho J., Berg L. D. (2009), Towards critical toponymies, *Critical toponymies. The contested politics of place naming*, eds. L. D. Berg, J. Vuolteenaho, Farnham, Burlington, VT, Ashgate, pp. 1–18.

Об авторе

Митин Иван Игоревич — кандидат географических наук, доцент Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского факультета городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: imitin@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6859-3047

Scopus AuthorID: 7005977440

Web of Science ResearcherID: A-6421-2016

About the author

Dr **Ivan Mitin**, Associate Professor, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: imitin@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6859-3047

Scopus AuthorID: 7005977440

Web of Science ResearcherID: A-6421-2016

Поступила в редакцию 25.09.2021 г.

Поступила после доработки 15.11.2021 г.

Статья принята к публикации 24.11.2021 г.

Received 25.09.2021

Received in revised form 15.11.2021

Accepted 24.11.2021